

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ДИКИ ВЕЛИКИХ

ДИНАСТИЯ ФИЛАНТРОПОВ

МОЗЕС И УОЛТЕР АННЕНБЕРГ

Серия «Лики великих» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства.

Мозес Луис Анненберг (1877 — 1942) иммигрировал в Америку из Восточной Пруссии в 1890 году. Сколотил состояние, создав телеграфное агентство, передававшее результаты скачек по всей стране. В 1936 году стал владельцем одной из наиболее известных американских газет *The Philadelphia Inquirer*. Это было начало семейного бизнеса.

Уолтер Хьюберт Анненберг (1908 — 2002) — крупнейший издатель, владевший кроме газет и журналов, шестью телеканалами и девятью радиостанциями. Выдающийся филантроп, чьи пожертвования составили более трех миллиардов долларов. Он собрал великолепную коллекцию живописи.

Посол США в Великобритании. Личный друг президентов Никсона и Рейгана, кавалер многих орденов.

**Елена Мищенко
Александр Штейнберг**

**ДИНАСТИЯ ФИЛАНТРОПОВ
Мозес и Уолтер Анненберги
(Moses & Walter Annenberg)**

«Корабль швыряло из стороны в сторону. Огромные волны обрушивались на палубу, все это сопровождалось страшным грохотом, звоном. Казалось, сам повелитель морской стихии обратил свой гнев против нас, бессильных что-либо сделать пассажиров. Плачи, молитвы, стенания женщин,

детей сливались воедино. Мы не сомневались, что обречены на гибель. Моя мать в полубессознательном состоянии умоляла связать нас веревкой, чтобы погибнуть всем вместе.

Двое суток продолжался этот кошмар. На третий день шторм прекратился также внезапно, как и начался. Измученная корабельная команда тщетно пыталась привести в порядок палубы, откачать воду из помещений.

Шторм уничтожил большую часть пищевых запасов — они стали непригодными к употреблению. В питьевую воду для дезинфекции добавляли уксус. Последние четыре дня мы по-настоящему голодали, радуясь любой найденной крошке хлеба», — вспоминал Мозес Анненберг, которому тогда было лишь восемь лет.

...Стояла осень 1885 года. Долог и сложен был путь из маленького немецкого городка Калвишкен к Земле Обетованной — Америке. Когда, наконец, корабль причалил к нью-йоркской гавани, измученные пассажиры ринулись толпой на столь долго ожидаемый берег. У многих текли по щекам слезы, люди их не замечали, наконец-то свершилось — они в Америке!

Мужчины в измятых широкополых шляпах, женщины в длинных юбках хватали на руки детей, сажали их на плечи, кричали: «Земля, земля!» «Мы в Америке!» Слова молитв на разных языках —

русском, польском, идиш, немецком, сливались в единый гул, всех объединяла радость прибытия.

...Мозес сошел на берег босиком, единственную пару деревянных башмаков смыло океанской волной. Большая семья Анненбергов — одиннадцать человек — проходила изнурительную процедуру оформления документов иммиграционными чиновниками. Нужно было ответить на массу вопросов, большую часть которых они просто не понимали. «Откуда вы приехали?» «Как вас зовут?» «Сколько у вас с собой денег?»

Последний вопрос застал Шиву Анненберг, мать семейства, врасплох. У нее было всего пять долларов, которые им подарил пассажир, деливший с ними все тяготы путешествия.

* * *

Семья Анненбергов ничем не отличалась от массы других иммигрантов, приехавших в Америку в поисках лучшей доли. Зачастую глава семьи приезжал первым, работал несколько лет, копил деньги для того, чтобы вызвать семью, а потом уже все вместе продолжали строить новую, американскую, жизнь.

Вот и Тобиас Анненберг тоже приехал в Чикаго один. Он не брезговал никакой работой,

старательно откладывая деньги на проезд семьи. День, когда он встретил в нью-йоркской гавани жену и детей после мучительного долгого путешествия, стал самым счастливым в его жизни.

На семейном совете было решено открыть небольшой семейный бизнес. У Тобиаса не было рабочей профессии, он стал уличным торговцем. Он ходил по дворам, продавая мелкие, нужные в быту товары. Постепенно у него появились постоянные клиенты. Это был нелегкий, связанный с опасностью для жизни бизнес.

На грязных, немощеных улицах Чикаго было немало всякого рода мошенников, постоянно вспыхивали драки. Кто-то кого-то обманывал, крал товары, мальчишки сбивались в настоящие банды, для них не существовало запретов. Они дразнили торговцев, называя их «грязными евреями», и Тобиасу нередко приходилось спасаться от них бегством.

Старшие дети помогали в бизнесе, а младший, Мозес, пошел учиться. В школе он был далеко не лучшим учеником, что, впрочем, не заботило его родителей. Прокормить и одеть одиннадцать детей было нелегким делом. Мозеса или, как его стали называть, Мо, воспитывала улица. Это была жестокая, суровая школа выживания. Он дрался, воровал, буянил, курил, пил так же, как и все его сверстники.

Но шло время, дети росли, обзаводились семьями. Когда Мо исполнилось двадцать два года, Шива и Тобиас решили, что настало и его время создавать семью. Как и водится, его познакомили со славной девушкой. Сэди Фридман была на два года моложе Мозеса. Ее семья тоже эмигрировала из Германии, однако они приехали в Америку на двадцать лет раньше, чем Анненберги. Сэди родилась в Нью-Йорке, в обеспеченной семье, она не испытала тягот жизни в маленьком еврейском местечке, не знала страха перед погромами. Ее отец был успешным торговцем обувью, он переехал в Чикаго, когда Сэди была совсем ребенком.

Трудно было найти двух людей, которые бы столь разнились внешне. Сэди была эдакой рубенсовской моделью — белокожая, рыжеволосая, вся состоящая из округлостей. Мо — длинный, угловатый, скорее в стиле Эль Греко. Однако они понравились друг другу, и вскоре сыграли свадьбу. Мо не был, что называется, «удачной партией»: он был беден, перспектив изменить жизнь к лучшему было немного. Сэди между тем была на шестом месяце беременности — они ожидали первенца. Неизвестно, как бы сложилась судьба Мозеса Анненберга и его потомства, если бы Уильям Рэндолф Херст не принял решения перебраться в Чикаго.

ИМПЕРИЯ ХЕРСТА

Мы должны несколько прервать повествование и обратиться к весьма колоритной фигуре — Уильяму Рэндолфу Херсту, газетному магнату, мультимиллионеру, личности во всех отношениях экстраординарной. Он вошел в историю журналистики с фразой: «Сделай мне иллюстрации, а я обеспечу войну».

Уильям родился в Сан-Франциско в 1863 году в семье Джорджа Херста, промышленника, который сделал огромное состояние на добыче драгоценных металлов и угля. Папаша Херст был весьма азартным и предприимчивым человеком, и, как утверждали знающие люди, стал собственником газеты San Francisco Examiner практически случайно, получив ее в качестве уплаты карточного долга. Однако со временем он вошел во вкус издательского дела и приобрел еще несколько крупных изданий.

Его политическая карьера также сложилась прекрасно — Джордж Херст был членом Конгресса США. В зените своей славы он был владельцем многих журналов, нескольких радиостанций.

Молодому Херсту было всего 24 года, когда он убедил отца разрешить ему редактировать газету San Francisco Examiner, пообещав сделать ее самой читаемой газетой в мире. Он превратил газетный

бизнес в некую смесь репортерского расследования и низкопробной сенсации. Его «фирменным» стилем стали смесь огромных кричащих заголовков, дутых сенсаций, агрессивного стиля подачи материалов. Он говорил своим журналистам: «Если вы не можете оглушить читателя первой фразой — не пишите вторую». Его политические и расовые воззрения отличались нетерпимостью и радикализмом.

Один из его биографов так писал о Херсте: «На протяжении всей своей карьеры он настраивал американцев против испанцев, американцев против филиппинцев, американцев против русских. Для осуществления своих подстрекательских кампаний использовал неприкрытую ложь, фальшивые документы, вымышленные кровавые истории, интригующие передовицы, ядовитые карикатуры и фотографии».

Многие современники полагали, что Херст, дабы поднять тираж своих изданий, способствовал развязыванию испано-американской войны 1898 года.

Он послал на Кубу тридцать пять журналистов и писателей для освещения событий. Существует любопытная легенда: работавший на Херста художник-иллюстратор, которого босс отправил в командировку на Кубу, попросил у Херста разрешения вернуться в Америку,

поскольку на Кубе не происходило ничего интересного. Херст ответил ему: «Оставайся там. Сделай мне иллюстрации, а я обеспечу войну».

Для поднятия тиража Херст снижал цену газет до одного пенни и увеличивал объем до шестнадцати страниц. Зная, что читатели его изданий люди в основном малограмотные и любят рассматривать смешные рисунки, он ввел на газетные страницы комический персонаж — уличного мальчишку, которого изображали в желтой рубашонке. Герой комиксов «произносил» забавные фразы, его называли «желтым ребенком». Отсюда и пошло название сенсационной журналистики — «желтая пресса».

Своей формулой успеха Херст считал принцип «чем лучше журналисты, тем успешнее издание». Его агенты буквально охотились на хороших репортеров, и те с удивлением обнаруживали в своих пишущих машинках визитные карточки Херста с короткой фразой: «Мистер Херст с удовольствием предлагает вам работу». Босс платил раз в десять больше других издателей, и репортеры охотно соглашались на его предложения. Журналисты, редакторы работали на износ. Если репортер не оправдывал возложенных на него обязательств, его увольняли буквально в течение одного-двух дней. В редакциях херстовских газет царил сумасшедший темп: там не

говорили, а кричали, часто не стесняясь в выражениях, не ходили, а бегали, скорости печатания журналиста на машинке могла бы позавидовать профессиональная машинистка.

Уильяму Херсту было всего тридцать семь лет, когда он прибыл в Чикаго. Поводом для начала газетного бизнеса послужили его политические амбиции. В мечтах он видел себя президентом Соединенных Штатов Америки. Для достижения этой цели необходима была мощная, патриотическая газета в Чикаго.

Находясь в нью-йоркском офисе, он вызвал одного из своих менеджеров Соломона Карвалло и сказал: «Мне нужно начать газету в Чикаго. Назовем ее American. Она должна появиться перед Днем Независимости. Можешь ли ты это сделать?» Впрочем, вопрос был чисто формальный. Оба собеседника понимали, что ответ может быть только положительным. Однако Карвалло решил взять минутную паузу. Он схватил большие редакторские ножницы, лежавшие на столе у Херста и начал подстригать свою козлиную бородку. Волосы падали прямо на толстый бельгийский ковер. «Чикаго — трудный город, — наконец выдал он, — нам придется расчищать себе дорогу». «Возьми с собой всю аммуницию», — немедленно ответил Херст своим характерным тонким голосом. Разговор состоялся 20 мая, до

четвертого июля, праздника Дня Независимости, оставалось несколько недель. Карвалло немедленно отправился в Чикаго, взял в аренду старый дом, и начался форменный сумасшедший дом — состояние, характерное для херстовских проектов.

Первый номер газеты вышел второго июля. К тому времени в Чикаго все разносчики газет, все рекламные службы, по сути, работали на успех новой газеты. Мальчишки изо всех сил легких выкрикивали: «Читайте American — самую лучшую, самую интересную газету в мире!» Газета была доступна всем — она стоила всего лишь пенни. Однако появление столь конкурентоспособной газеты отнюдь не вызвало восторгов у владельцев другого издания — Tribune Daily News. Не зря старина Карвалло подстригал в раздумье свою бородку и говорил о том, что придется расчищать путь для новой газеты. Так оно и случилось. Макс Анненберг — брат Мозеса, который работал разносчиком в Daily News, перешел, соблазненный более высокими заработками, в новую газету American. Вместе с ним начал работать и Мозес, которому нужно было кормить разрастающуюся семью.

Конкурентная борьба принимала нешуточные обороты. Продажа газет была делом нелегким, вот тут и пригодились «уличные университеты», приходилось бороться за выживание. Рабочий день

братьев начинался в три часа утра, когда они, выпив по большой кружке кофе и плотно позавтракав, отправлялись получать в типографию газетный тираж. В карманах у каждого было по заряженному пистолету.

Чем успешнее продавалась херстовская газета, тем больше угроз и запугиваний получали братья. Чикаго, действительно, был сложным городом. Стрельба на улицах, уголовные разборки между бандами были обычным явлением. Братья приняли условия, которые выдвинула жизнь. Они организовали свой «ганг», в котором Мозес стал лидером. Он собрал самых «крутых» парней, вооружил их бейсбольными битами, а кое-кого снабдил и пистолетами. Не раз бывало так, что поединок начинался на рассвете, в пять часов утра. Мо и его парни переворачивали и сжигали газетные киоски конкурентов, уничтожали машины, на которых развозили газеты. Мозес подружился с самим Лаки Лучиано. Известный гангстер, гроза Чикаго, называл его «своим парнем».

Постоянная борьба между газетчиками из Daily News и American продолжалась долгое время. Преданность Мозеса, его самоотверженность, не остались незамеченными менеджментом газеты. Не прошло и года со дня начала его работы, как его назначили на более высокую должность. Теперь в его подчинении было несколько человек, он

отвечал за своевременную доставку газет по адресам подписчиков.

Семья разрасталась, требовалось больше денег, и Мозес стал подумывать о том, чтобы расширить территорию продажи газет. Его внимание привлек Миллуоки, который находился всего в 90 милях на север. Мозес знал, что каждая из чикагских газет имеет там свой офис. Однако бизнес там шел вяло, и он предложил объединить всех в один большой офис, взяв на себя руководство.

НАСЛЕДНИК

Шел октябрь 1906 года, когда Сэди, Мозес и их четверо дочерей сели в поезд, который увез их в Милуоки. Отцу семейства было 29 лет, он получал 60 долларов в неделю, и его долги составляли полторы тысячи.

Прошло всего четырнадцать лет, наступил 1920 год, у Мозеса было восемь детей, он делал триста тысяч в год и был обладателем состояния, которое оценивалось в два миллиона долларов. Как это произошло? Мозес объяснял свой успех простыми словами: «Вы знаете разницу между откормленным домашним псом и голодным волком? Сытый пес никогда не будет охотиться за едой, а голодный волк должен прокормить себя или

погибнуть. Я был голодным волком. У меня была большая семья. Я должен был либо выжить, либо погибнуть. Я научился выживать».

Мозес широко развернул газетный бизнес в Милуоки, его газетчики, которых было уже около двух сотен, доставляли газеты в каждый дом, что было новинкой. Его рекламные агенты работали четко и быстро, издатели были довольны, они знали — бизнес в надежных руках. Когда накопилось достаточно средств для вложения в покупку недвижимости, Мозес начал скупать дома, гаражи, он строил и покупал кинотеатры, магазины, апартаменты, заведения для игры в бильярд.

Семья разрасталась так же, как и бизнес. Мо, который родился в большой семье, хотел, чтобы и у него было много детей, большой дом, к этому же стремилась и Сэди. У них уже было четверо детей. Единственное, что огорчало Мозеса, это отсутствие наследника — все новорожденные были девочками. Ему нужен был продолжатель рода, наследник, которому можно передать бизнес. Он мечтал о сыне.

Господь услышал горячие молитвы супругов, и в 1908 году, 13 марта, в пятницу, в половине второго дня, в собственном доме Мозеса и Сэди Анненберг, появился на свет младенец. «Сын!» — торжественно объявила акушерка, которая принимала предыдущие роды. Сэди, измученная

тяжелыми родами, слабо улыбнулась. «Наконец-то», — прошептала она.

Традиционно считалось, что ребенок, рожденный в пятницу, да к тому же тринадцатого числа, обречен на неудачу. Но Анненберги не верили в эту примету. У них уже были дети, которые рождались 13-го, и они считали это хорошим знамением. Мальчику дали имя Walter Hubert Inman — так звали одного из лучших журналистов, которым Мозес восхищался. Но в течение долгих лет жизни Уолтера мать, сестры, все близкие называли его просто: «The Boy» — «Мальчик», он ведь был единственным мальчиком в окружении семи сестер. Только отец всегда называл его Уолтер, подчеркивая этим серьезность их отношений.

Мозес был строгим отцом. Когда он находился в доме, атмосфера резко менялась. Семья традиционно собиралась за большим обеденным столом, есть полагалось молча, разговоры не поощрялись, в воздухе царила напряженность. Зато когда Мозес отсутствовал, а он часто отлучался по делам бизнеса, большой дом Анненбергов преображался. Дети резвились, бегали, все время звучал рояль — девочки брали уроки музыки.

По воскресеньям Мозес собирал всю семью, читал вслух интересные статьи из журнала, рассказывал о своем бизнесе, брал детей на

прогулки. Он был очень способным человеком, сам научился играть на скрипке. Правда, играл на ней как на виолончели, держа ее между коленями.

Уолтер был всеобщим любимцем, на него возлагались большие надежды. Он должен был со временем возглавить бизнес. Однако у единственного сына были серьезные медицинские проблемы. Он практически не слышал на правое ухо и страшно заикался. Безусловно, его заикание было связано с проблемами слуха, так, по крайней мере, утверждали доктора. Мозес пользовался услугами лучших специалистов, мальчик ежедневно занимался с логопедами, и, в конце концов, он почти перестал заикаться, стал лучше слышать. Но до конца долгой жизни Уолтер Анненберг предпочитал левую сторону правой. Он был левшой, и даже фотографировался в профиль всегда с левой стороны.

Газетный бизнес шел успешно, сам Херст неоднократно отмечал успехи Мозеса, и во время одной из встреч сказал: «Мозес, ты перерос Милуоки. Пора перебираться в Нью-Йорк». Мозес не заставил себя долго ждать. В течение двух суток он собрал семью, закрыл дом, назначил верных людей следить за бизнесом, взял в аренду большой дом в районе Манхеттена и отбыл в Нью-Йорк. С этой целью он закупил целый вагон.

В скором времени Мозес купил огромное имение. Большой семье было где разместиться — внушительного вида особняк стоял в роскошном парке со скульптурами, в доме было тридцать две комнаты, библиотека, музыкальный зал с концертным роялем, десять спален, двенадцать ванных комнат. Кроме того, была еще конюшня с пони и лошадьми, два бассейна — один для взрослых, а второй для детей. Переезд в Нью-Йорк ознаменовал новый период жизни семьи Анненбергов — они стали настоящими богачами. В доме работало десятка три слуг. Там были конюхи и садовники, горничные на каждом этаже, дворецкие, шоферы, повара, их помощники. Дети в доме Анненбергов выросли на добротной немецкой кухне: толстые свиные сосиски, отбивные, картофель, капуста. Теперь все поменялось, повар готовил изысканные блюда, часто в меню появлялись омары, креветки, правда, Сэди, следуя Талмуду, их не ела, а Мозес и дети с удовольствием поглощали в больших количествах.

Безусловно, Мозес был настоящим нуворишем и, как все внезапно разбогатевшие люди, хотел получить все возможное, что давало богатство. Он стремился дать детям то, чего он был лишен в их возрасте: лучшие школы, роскошные автомобили, дизайнерская одежда.

Семерых девочек воспитывала Сэди, но Уолтер был его, Мозеса, наследником. Для него работал «старина Мо», как называли Анненберга. Не будем закрывать глаза на то, что его деятельность довольно часто шла вразрез с законом. Он смело спекулировал недвижимостью, его люди «выбивали» долги из неплательщиков, попросту занимались рэкетом, да и мало ли какие сделки обсуждались в уважаемых мужских клубах Нью-Йорка.

Одним из увлечений Мозеса стали скачки, он сотрудничал с воротилами игрового бизнеса, а издание Daily Racing Form, посвященное результатам бегов и скачек, принесло старине Мо не один десяток миллионов.

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ НАСЛЕДНИКА

Уолтер тем временем, как говорят романисты, окунулся в вихрь светских удовольствий. Он был хорош собой, богат, напропалую крутил романы, и жизнь под отцовским кровом становилась в тягость.

Мозес мечтал обрести в сыне наследника, настаивал, чтобы он учился в знаменитой Wharton School of Finance and Commerce, которая находилась в University of Pennsylvania, но Уолтер вообще не желал учиться в колледже. Он не хотел быть ни врачом, ни лоером, ни архитектором, ни

писателем. Его увлекала игра на бирже, однако удача не всегда сопутствовала ему — он проигрывал сотни тысяч долларов.

В 1927 году он переехал в Филадельфию, и, уступая отцовским пожеланиям, начал учиться в колледже, но теория бизнеса, геометрия и математика ему смертельно наскучили. Он бросил колледж, едва начав занятия. Вместе с двумя такими же богатыми сынками Уолтер купил футбольную команду, дав ей новое имя — Eagles — «Орлы». Под этим именем команда существует и до сих пор.

...«Черный» четверг 29 октября 1929 года навсегда вошел в историю Америки — это был крах нью-йоркской биржи, он ознаменовался чередой самоубийств. Уолтеру к тому времени исполнился двадцать один год, он увлеченно играл на бирже, и в тот роковой день потерял все свои сбережения. Он не знал, как сказать об этом отцу, боялся его гнева.

Мозес знал о потерях сына от своих управляющих, но он хотел услышать его объяснения. Разговор в кабинете Анненберга-старшего был долгим и непростым.

— Я не хочу, чтобы ты проходил процесс банкротства — это отразится на твоей репутации. Но ты должен мне твердо пообещать никогда больше не играть на бирже, не участвовать в

сомнительных сделках и спекуляциях, — сказал Уолтеру отец.

К тому времени состояние Мозеса оценивалось примерно в 10 миллионов долларов, он мог уплатить долги сына, но он хотел, чтобы случившееся было для Уолтера уроком.

Несмотря на богатство, старина Мо был скромн в обыденной жизни — сказывались старые привычки и воспитание. Шестьдесят новеньких костюмов висели в шкафу, он обходился одним. Несмотря на то, что у него были туфли из крокодиловой кожи, он предпочитал крепкие ботинки черного цвета, которые он менял лишь тогда, когда они требовали ремонта.

Урок пошел впрок — Уолтер больше не играл на бирже, но не отказывал себе в жизненных удовольствиях. Во время Великой Депрессии в Америке было 16 миллионов безработных, что составляло треть национальной рабочей силы. На улицах стояли очереди за бесплатным супом, люди записывались с ночи на биржи труда, но для Анненбергов этот период прошел незамеченным.

Уолтер был настоящим плейбоем, прожигавшим жизнь в роскошных ресторанах, на модных курортах. В начале и середине 30-х годов его всегда можно было видеть в ночных клубах Нью-Йорка, Чикаго и Майами.

Уолтер был молод, хорош собой, сидел за рулем огромного роскошного авто с открытым верхом. У него были романы с самыми хорошенькими актрисами, «герлс» из бродвейских шоу и ночных клубов. Пресса того времени подробно описывала подробности его романа с Пегги Хопкинс Джойс — неким подобием Элизабет Тейлор того времени. У Пегги была улыбка модели, рекламирующей зубную пасту, чувство юмора, много миллионов долларов и муж — автомобильный магнат Уолтер Крайслер. Он был одним из пяти ее мужей, и о каждом из них пресса подробно писала, не скупясь на подробности развода и раздела имущества.

Уолтер также дружил и с бывшим боссом, а потом уже и партнером отца — газетным магнатом Уильямом Херстом и его официальной любовницей Мэрион Дэвис.

Он часто бывал в их фантастическом дворце, где познакомился с голливудскими звездами Гэри Грэнтом, Бингом Кросби, Фредом Эстер, Марлен Дитрих. Подружился Уолтер и с Джеком Уорнером, главой студии Warner Brothers, который был блестящим рассказчиком и любителем светских развлечений.

В этой же компании частенько бывал и молодой тогда актер Рональд Рейган. Уолтер был на три года старше Рони, их дружба, завязавшаяся в

далекие тридцатые годы, продолжалась затем десятилетиями. Уолтер Анненберг всегда поддерживал Рейгана, участвуя в его избирательных кампаниях.

Старина Мо был крайне недоволен образом жизни, который вел его сын, и всячески пытался приобщить его к бизнесу. С этой целью он, купив издательство газеты Miami Tribune, назначил Уолтера на должность менеджера и предложил ему вести отдел светской хроники. Это занятие позволяло Уолтеру часто ездить из Нью-Йорка в Филадельфию, Майами, а также проводить время на роскошном экзотическом ранчо, которое Мозес купил во время одной из поездок.

История приобретения ранчо весьма необычна. Как-то, остановившись пообедать в небольшой горной деревушке, он заказал в местном ресторанчике форель. Ему понравился вкус рыбы, и он спросил где ее выловили. Услышав, что неподалеку находится ферма, на которой разводят этот сорт форели, он тут же, изменив планы поездки, отправился на ферму. Ему все понравилось: и живописный горный пейзаж, и сама ферма... Обведя рукой пространство вокруг себя, он спросил сколько стоит «все это». Владелец фермы сказал, что «все это» не продается. Но старина Мо не привык менять планы и отступать от задуманного. Он настаивал, и тогда владелец

фермы решил загнуть невероятную цену, чтобы отпугнуть настойчивого покупателя. Но он не знал, с кем имеет дело: как только он назвал сумму — двадцать семь тысяч, Мозес тут же воскликнул: «продано» и выписал чек.

Впоследствии он вложил двести семьдесят тысяч долларов, для того чтобы создать охотничий дом, соответствующий его представлениям о красоте и комфорте. Несколько бригад строителей в течение двух лет строили огромный дом, подводили все необходимые коммуникации.

В главном доме было восемь спален, семь туалетов, огромная гостиная, столовая, бассейн. Все было посвящено теме охоты: мебель, шторы, покрывала для кроватей, даже полотенца в ваннных комнатах. Вешалки для одежды и шляп были сделаны из оленьих рогов. Гостей встречало чучело огромного медведя, который держал поднос с напитками. На ранчо был небольшой зоопарк, там жили антилопы, олени, лошади, все это содержалось в идеальном порядке — Мозес был строгим хозяином. Гордостью хозяина был огромный пруд, в котором разводилась форель.

В конюшнях были установлены автоматические поилки для тридцати трех лошадей. Въезд украшала высокая каменная арка с выложенной кирпичами надписью RANCH A, что обозначало: Annenberg.

Мозес проводил на ранчо два месяца в году. Он привозил с собой персонального повара — иммигрантку из Венгрии Розу Бэбос, которая готовила его любимые острые и пряные венгерские блюда.

Сэди с дочерьми не любили ранчо, никогда туда не приезжали — их не привлекали охота и рыбалка. Уолтер тоже выдерживал не больше двух недель, так что Мозес коротал время в одиночестве или приглашал местных жителей и хорошеньких соседок. Но вскоре и ему наскучило отдаленное ранчо. Мозес, как истинный бизнесмен, любил совершать крупные сделки, он был человеком действия, не умел отдыхать, и вскоре купил еще несколько поместий, одно из них между Нью-Йорком и Филадельфией, в горах Поконос. Ему было удобно туда ездить, так как в 1936 году он переехал в Филадельфию, где поселился в престижном месте — Rittenhouse Square. Однако его семья предпочитала оставаться в Нью-Йорке, в своем роскошном поместье. Повод для этого был весьма серьезный — они отказались быть рядом с Мозесом, который не скрывал своей связи с секретаршей-блондинкой, которая была младше его дочерей.

THE PHILADELPHIA INQUIRER

В 30-х годах XX столетия в Америке не было более солидной, уважаемой газеты чем Philadelphia Inquirer. Созданная в 1771 году, она была старейшим газетным изданием. Газету любили, она была гордостью Филадельфии. Однако в 1929 году для газеты настали тяжелые времена. Причиной тому была не столько Депрессия, охватившая всю страну, сколько смерть ее издателя — полковника Джеймса Элверсона-младшего.

Бравый полковник был большим любителем удовольствий, в число которых он включал хорошеньких женщин и шотландский виски. Заядлый яхтсмен, он держал две роскошные яхты для себя и третью для супруги на реке Делавер.

Джеймс Элверсон получил газету в наследство от отца и, дабы увековечить его память, назвал вновь построенное здание его именем. Элверсон-билдинг был красой и гордостью Филадельфии. Там располагались современные типографии, издательские и редакционные офисы, а на двух верхних этажах размещался элегантный дуплекс полковника и его супруги. На стенах огромной гостиной висели полотна художников, среди них — пять пейзажей Коро, за один из них Элверсон-младший уплатил сто тысяч долларов. Он также собирал коллекцию настенных часов,

которые громко отбивали время каждые пятнадцать минут.

Поскольку у полковника не было детей, права на издание газеты *The Philadelphia Inquirer* перешли его сестре Элеанор, которая была замужем за французским послом в Соединенных Штатах.

Ко времени смерти брата Элеанор была вдовой, жила в Париже с сыном Раймондом. Филадельфию она не любила, считала ее провинциальным городом и часто повторяла: «Это не Париж». Мадам была права, Филадельфия, действительно, отличалась от Парижа, но проблема была в ином. Потеряв опытного издателя, газета становилась все хуже. В результате тираж упал, доходы снизились, а мадам Элеанор требовала, чтобы ей исправно высылали крупные суммы, к которым она привыкла за долгие годы.

Газету выставили на продажу. Мозес узнал об этом как раз в то время, когда он вылавливал сачком из пруда своих любимых форелей. Он привык все делать быстро, поэтому тотчас же отдал все необходимые распоряжения и направил верных людей для переговоров с Элеанор. Мозес объявил, что он покупает *Inquirer*.

...Если бы он взорвал бомбу в центре Филадельфии — это бы вызвало меньший эффект, чем его объявление о покупке *Inquirer*. Филадельфийцы — воротилы газетного бизнеса — ничего не знали о

Мозесе, а старина Мо был совершенно не знаком с Филадельфией. Он видел Пенсильванию лишь из окна пульмановского вагона, любовался ее лесами и просторами, но понятия не имел, что за люди там живут, какие у них проблемы и приоритеты.

Однако нашелся человек, который рассказал городу о том, кто есть Мозес Анненберг. Этим человеком оказался некий Джей Дэвид Стерн — владелец нескольких газет, в том числе и филадельфийской Record. Он навел справки о том, каким образом Мозес нажил свое многомиллионное состояние. На нескольких страницах газеты он подробно рассказывал «историю Мозеса», не стесняясь дополнять и изменять факты по своему усмотрению. Стерн знал, что в лице Мозеса он приобретает могущественного соперника, который в состоянии уничтожить его, Стерна, газеты. Кроме того, он знал, что за спиной Анненберга стоит сам могущественный Херст, тягаться с которым было просто невозможно. Газета — это трибуна политиков, это — власть, а в борьбе за власть все средства хороши.

Стерн нанял детективов из FBI, которые раскопали «жареные факты» из биографии Мозеса, он звонил в Белый Дом, рапортуя о том, что в Филадельфии появился «опасный преступник».

Развернулась настоящая борьба за право покупки газеты, которая закончилась победой

Мозеса Анненберга. В 1936 году он купил Philadelphia Inquirer за немислимую сумму 10,8 миллионов долларов.

«Я поздравляю себя с этой покупкой, — сказал он, — все мои амбиции удовлетворены». Это, действительно, знаменовало верх его жизненной карьеры, он прошел огромный, невероятно сложный путь от мальчишки — разносчика газет до газетного магната, владельца самой престижной, респектабельной газеты Америки.

Став хозяином газеты, Мозес принялся за работу с присущей ему страстью и энергией. Вложив миллион долларов на увеличение тиража, он распорядился нанять армию разносчиков газеты и еженедельно тратил 25 тысяч долларов на поощрительные подарки. На него работали бесчисленные репортеры, фотографы, корреспонденты. Он не скупился, зная, что окупится каждый вложенный доллар.

Мозес ежедневно общался с редакторами, знал обо всем, что происходит в газете, частенько даже приезжал к пяти часам утра, чтобы проследить за тем, как развозится газета, посещал газетные киоски, поощряя продавцов Inquirer. «Я купил газету не для того, чтобы делать деньги. Газета должна служить обществу. Если она не отстаивает гражданские права, не борется за счастье и здоровье

коммьюнити, ее не стоит печатать — есть много других способов заработать деньги», — говорил он.

Когда его спрашивали, какой партии — демократической или республиканской газета больше симпатизирует, Мозес неизменно отвечал: «Газета должна быть объективной».

Девизом The Philadelphia Inquirer стали слова: «Независимая газета для всех». В одном из первых номеров он поместил программную статью, объясняя свою позицию. «В нашей газете мы всегда будем бесстрашно отстаивать интересы американской демократии, бороться за равные права для работников и предпринимателей, будем бороться против политического лицемерия и коррупции, за гражданские права угнетенных». Это были не пустые слова: Мозес Анненберг действительно следовал этим принципам всю жизнь.

Его подчиненные, которые сначала с ужасом ожидали его появления в газете, позднее, узнав его, поняли, что за внешней грубоватостью кроется настоящая любовь к газете, стремление сделать ее лучше. «Он был простым, сердечным человеком, который знал газетное дело лучше многих. Дверь его кабинета всегда была открыта, он ел ланч в столовой для сотрудников. Босс входил в комнату стремительно, полы его длинного пальто развевались, он знал по имени каждого редактора,

всегда здоровался за руку, понимал все наши проблемы», — говорил редактор газеты Эли Зэкэри.

Уолтер всегда был рядом с отцом, они жили в одном отеле, занимая разные апартаменты. Ситуация была несколько необычная: рядом с Мозесом всегда находилась его секретарь — иммигрантка из Германии Гертруда Бозе. Она была его официальной любовницей, его помощницей в делах, его личным секретарем. Сэди и дочери знали о существовании Труды, но изменить что-либо было невозможно.

Наличие Труды никак не повлияло на отношение Мозеса к жене и дочерям. Он исправно отправлял теплые письма «своей дорогой жене», в которых писал: «Страшно соскучился, считаю дни, когда смогу увидеть вас всех.

Знайте, что я всегда думаю о вас, и цель моей жизни — это ваше счастье и благополучие».

Дочери болезненно переживали измену отца, отмечая, что Сэди стоически переносила свое двусмысленное положение. Уолтер чувствовал себя в некоторой степени соучастником отца — ведь он оставался с ним все время, общался с Труды, этого требовала работа.

Чем лучше шли дела в *Inquirer*, тем яростнее становились нападки его врагов и, прежде всего, неутомимого Дэви Стерна. Он не оставил своих попыток уничтожить газету Анненберга, рассылая в

самые высокие инстанции доносы и разоблачения на своего заклятого соперника. Усилия Стерна и его помощников не пропали зря — против Мозеса Анненберга были выдвинуты серьезные обвинения в неуплате налогов.

Дело была явно сфабриковано, вместе с Мозесом обвинялись его бухгалтеры, ведущие делопроизводство. Однако Мозес решил взять всю вину на себя. Этим он спасал многих и, прежде всего, своего сына — имя Уолтера значилось в числе ответственных сотрудников газеты. В апреле 1940-го судебное расследование было закончено. Мозес был признан единственным виновным и согласился уплатить штраф в девять с половиной миллионов долларов (в сегодняшнем исчислении это составляет сумму 110 миллионов). Тюрьма подорвала здоровье Мозеса, сломила его морально. Он вышел на свободу, когда ему было 65 лет, и умер вскоре после освобождения, в 1942 году. Перед смертью он сказал сыну: «Я все выстрадал ради того, чтобы сделать тебя человеком». Уолтер всегда это помнил. Он велел отлить в бронзе слова, которые стали его девизом: «Моя работа на Земле посвящена памяти отца». Смерть отца стала переломным моментом в жизни Уолтера. Кончилось время забав плейбоя, пришло время работы, которой Уолтер Анненберг посвятил свою жизнь.